

МАРИАННА АШОТОВНА БАЛОЯН

Кандидат филологических наук, доцент,

Чанчуньский университет, КНР

m.ashotovna@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3215-2781

DOI: 10.54503/978-5-8080-1557-9-308

ПОВЕСТЬ «ЩЕПКА» ЗАЗУБРИНА. К ПРОБЛЕМЕ «ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА»

*«Революция – стихия. Революция – мощный, мутный,
творящий и разрушающий поток.
Человек в нем – щепка. Люди – щепки»*

В. Зазубрин «Бледная правда».

Ключевые слова: *В.Зазубрин, «Щепка», двойничество, психология литературного творчества, автор и герой, М.Арнаутов, внутреннее освобождение*

Введение:

Владимир Зазубрин, пожалуй, самый самобытный писатель, противоречивый, непонятый художник, забытый в свое время, реабилитированный в 80-ые годы, вызывающий острый интерес в настоящее время, но мало исследованный по сей день. Его творчество особо выделяется своей раздвоенностью (а время не прощало раздвоенности), нервно-напряженной музыкальностью, тематикой, стилем, ритмикой слова, мрачными оттенками – словом, в точности передающий дух своей эпохи. Большой вклад в исследование в творчество Зазубрина внес Владимир Яранцев, новосибирский литературовед, опубликовавший статьи в «Сибирских огнях» за 2009 и 2010 год, и книгу, вышедшую в 2012 г.

В настоящей статье мы исследуем повесть «Щепка» в контексте психологии автора и героя и психологии литературного твор-

чества. Материалом для нашего исследования явились также письма современников, друзей и членов семьи Зазубрина.

Актуальность нашего исследования заключается в повышенном интересе к эпохе 30-х годов, к творчеству репрессированных писателей, реабилитированных посмертно в конце XX и начале XXI веков, в необходимости показать истинное лицо русской революции, сталинизма, как явления, особенно на фоне растущей попытки исторической реабилитации личности Сталина – «неосталинизма» в современной России. (под «неосталинизмом» следует также понимать общность сталинского и современного политического режима в России – Рой Медведев¹²).

Цель данного исследования, показать интуитивное в творческом процессе, вытеснение первичного замысла художника (план произведения) бессознательным в повести «Щепка», показать несостоятельность «правдухинской» интерпретации темы, а именно темы революции и человека, возможно, продиктованной временем, раскрыть тайну творчества Зазубрина, отгадать загадку таланта писателя.

Методом исследования явились эмпирический метод: а именно метод наблюдения, описания, сравнения, а также гипотетико-дедуктивный метод.

Проблема «внутреннего человека в повести «Щепка».

Владимир Яковлевич Зазубрин¹³ в историю советской литературы вошел как автор первого советского романа о революции

¹² **Рой Александрович Медведев** – советский и российский ученый, писатель, педагог и публицист. Его перу принадлежат биографии многих политических деятелей СССР и России.

¹³ **Владимир Яковлевич Зубцов** - настоящая фамилия писателя – родился в семье железнодорожного служащего. Яков Николаевич Зубцов, отец писателя, активно участвовал в событиях первой русской революции. Еще в пятом классе гимназии будущий писатель вступает на революционный путь, становится организатором журнала «Отголоски» с ярко выраженной политической окраской. Сразу после окончания училища В. Зазубрин назначается командиром взвода 15-ого Михайловского добровольческого отряда, где он сумел убедить солдат и офицеров своего и соседнего взвода перейти на сторону красных, и входит в Канск, освобожденной

«Два мира», принесший ему большой успех. О личности Зазубрина, о его литературном таланте узнаем из писем его современников жене писателя, Варваре Прокофьевне Теряевой-Зазубриной, в переписках его современников, впервые опубликованных лишь в 2010 году. «Человек он был страстный, темпераментный, талантливый, широкообразованный, широкий – никакие узкие рамки областничества его никогда не прельщали, не устраивали» – письмо Е.Н. Пермитина¹⁴.

– Л.А. Баландину¹⁵ (от 23 ноября 1956 г., Москва)¹⁶

Для лучшего понимания личности Зазубрина следует обратиться к письмам о Зазубрине, датированным 50–70-ми годами, когда начался процесс постепенной реабилитации Зазубрина, возвращения его произведений в литературу и переосмысления его жизни и творчества. В 1956 году были сняты необоснованные обвинения с Зазубрина и его жены, Варвары Прокопьевны Теряевой-Зазубриной. Письма собраны и опубликованы В.Яранцевым впервые в «Сибирских Огнях» в 2010 г. в номере 6. Среди писем выделяются письма Л. Баландина (1921–2003) и А. Топорова, (1891–1984), последний был одним из самых приветствуемых В. Зазубриным авторов «Сибирских Огней». В публикуемых письмах А. Топорова В. Зазубрин – «чудесный, обаятельный», «дивный», стал жертвой «шайки литературных аферистов». Для А. Топорова картина совершенно ясна: затравленный автор «бессмертных» «Двух миров», с одной стороны, «хулиганы» и «леваки» из «Настоящего» и СибАП-

от колчаковцев. Здесь он вплотную начинает заниматься агитационно-политической деятельностью, активно печататься в журналах.

¹⁴ **Пермитин Ефим Николаевич** (1895–1971), крупный сибирский писатель-прозаик, которому В. Зазубрин помог еще в 1926 г. начать свой литературный путь. Он оставил о В. Зазубрине воспоминания (1968 г.), позднее опубликованные во 2-м томе «Литературного наследства Сибири».

¹⁵ **Баландин Лоллий Александрович** (1921–2003), критик, литературовед, театровед, актер (играл в «Красном факеле» с 1951 по 1960 гг.), постоянный автор «Сибирских огней» в течение долгих лет, член редколлегии журнала

¹⁶ Журнал «Сибирские огни» 2010 г. № 6. <https://magazines.gorky.media/sib/2010/6/pisma-o-zazubrine.html> (Далее в тексте указывается год, номер издания и страница С.О.)

Па, ничего общего не имеющие с подлинными коммунистами, с другой («хулиганами их назвал ЦК партии!» – восклицает он).

Из Письма Е.Н. Пермитина – Л.А. Баландину.

23 ноября 1956 г., Москва.

«...Много, очень много он делал для молодых литераторов Сибири, для журнала «Сиб. Огни». Как у всякого человека у него были свои крупные и мелкие недостатки, но я не сужу его, ибо я сам — не без греха. Роман «Два мира», повести «Щепка», «Общежитие», которые я читал, мне было тяжело по болезненному, на мой взгляд, патологическому, доходящему до садизма, пристрастию к крови, ко всяким ужасам и мерзостям жизни. Малосимпатичен и чрезмерный натурализм Заzubрина. Эти же черты автора проглядывают и в позднейшем его романе «Горы». «Щепка» была в свое время принята к напечатанию в журнале «Красная новь» А.К. Воронским. Дальнейшей судьбы этого произведения я не знаю. Несомненно для меня одно: ушел большой, сложный, пусть изломанный, правда, но своеобразный художник.

Е. Пермитин».

Из переписки А.Топорова и Варвары Теряевой-Зазубриной узнаем, что «негодяи, которые погубили Владимира Яковлевича», преследовали и его. Топоров пишет: «В 1937 году меня *ЛЖИВО* (выделено в письме) обвинили в страшных, но не содеянных мною политических преступлениях, и осудили. За шесть лет заключения я прошел 6 тюрем и 2 исправительно-трудовых лагеря! Этого забыть невозможно. Перенесенных мук не перечесть. Но каким-то чудом я уцелел». В этом же письме он сообщает, что его травили за то, что он собрал замечательные отзывы о «Двух мирах» и опубликовал их в № 1 «СИБ. ОГНЕЙ» за 1928 год. Эти отзывы читал М. Горький, «захлебываясь от удовольствия» и завещал печатать их в послесловиях к роману.

Примечателен ответ Теряевой-Зазубриной: «А Вы спрашиваете – в чем обвиняли Влад. Як. Этого никто не знает. В те времена вину всех в одном и том же – по определенному стандарту. Нам

женам были предъявлены стандартного вида бумажки, отпечатанные на машинке, где нам перечислены все несуществующие преступления, которые были якобы совершены нашими мужьями: террор, диверсии, заговоры, связи за границей, шпионаж и прочее и прочее... Причем каждой предъявлялось одно и то же, без каких-то вариаций. А в чем на самом деле обвиняли – кто скажет? Среди оставшихся ходили разные слухи, один невероятнее другого. Я знаю только, что он был осужден на 10 лет без права переписки и еще на 8. Потом до меня дошли слухи, что там он был недолго и был расстрелян. Справка о смерти помечена – 6 декабря 1938 г. Насколько это верно – мы никогда не узнаем».

Повесть «Щепка» впервые была предложена журналу «Сибирские огни» с предисловием Валериана Правдухина «Повесть о революции и личности», написанным в 1923 г. (но редакция отказалась печатать эту повесть), и вышла в свет только в 1989 г. в № 2 «Сибирских огней» с предисловием Правдухина. Рукопись датируется 1923-им годом. В 1938 году к смертной казни был приговорен также Правдухин. В предисловии Правдухин дает оценку Зазубрина-художника, задается вопросом, нужна ли эта книга человеку-революционеру, который действительно ищет новый мир? Правдухин утверждает, что до Зазубрина о революции, о терроре, о чека писали, по его же выражению, «сюсюкающие» эмигранты и «вырождающиеся» их поколения, и писатели-беллетристы, «которые в большинстве случаев о революции пишут также, как о штопании чулок их бабушкой». Далее он сравнивает Зазубрина с его идеей революции с Достоевским и Андреевым «Семеро повешенных», которые, по мнению критика, ставили своей задачей вызвать «ненужную жалость в наших душах, претворить идею Канта о «самодавляющей ценности существования каждого человека», то Зазубрин, по мнению Правдухина, изображая совсем не идеал революционера, – ставит своей задачей показать, что есть общее – грядущий океан коммунизма, бесклассовое общество, во имя которого революция беспощадно идет по трупам вырождающихся врагов революции. Среди

них и сильные телом, иногда духом, которые свой аристократизм декларативно или искрение стараются сохранить в тот момент, когда смотрят в лик неизбежной для них смерти, но большинство из них тесто», булабочные головки, головки жаворонков, которых в детстве мать Срубова запекала в печи»¹⁷. Правдухин называет «Щепку» нужной книгой. Он утверждает, что революция – это расчет, организованность, и наконец, «справедливый террор», это «не корчи» героев Достоевского, которые стоят перед бездной вопроса «все ли позволено». Герой Зазубрина терпит поражение, так как не переборол в себе атавизм прошлого мира, так как не сумел стать по-звериному мощным, заключает критик.

Но об этом ли по сути повесть «Щепка», о победе ли ЕЕ- революции, над ним, человеком? О чем же пишет Зазубрин?

Историю возникновения замысла «Щепок» Зазубрин изложил в очерке «Заметки о ремесле», где к молодому писателю подходит «любезный» человек с вопросом: «Как верно у вас описаны расстрелы... Вам что – приходилось самому? Вы участвовали?»¹⁸ Любезный товарищ пригласил молодого писателя к себе, чтобы все показать. «Когда он (чекист – Б.М.) мне рассказал о своей тягчайшей работе, я понял, что напал на нетронутые золотые россыпи материала», в конце концов, «писателю совершенно необязательно самому делать все то, о чем он пишет»¹⁹. Но писателю необходимо внутреннее освобождение, пояснение духа посредством самого художественного изображения, необходимо облегчение через исповедь. Возникает вопрос, создавая патологически жестокое, доходящее до садизма картину, мог ли Зазубрин и вправду не предугадать участь своего произведения и вытекающие из этого последствия, действительно ли Зазубрин писал повесть о революции, оправдывающей «справедливый террор», как утверждал Правдухин, и кто его герой,

¹⁷ «С.О», 1989. N 2, с. 5.

¹⁸ **Зазубрин В.**, Общежитие. Сост. Г.Арабескин. // сборник. Художественная проза, очерки Зазубрина, Новосибирск, изд.-во «Литература Сибирских огрей», 1990, 417 с. Заметки о ремесле, с. 370. Далее в сносках указаны страницы.

¹⁹ Там же 370.

слабый, не готовый выдержать революции, не сумевший остаться «Ей» верный, или же человек, опровергший террор, систему, отказавшийся стать архитектором этого мира. Зазубрин увидел революцию со всех ее сторон, во всей ее «неприкрытой правде», без «золотых оберток», так он показал «Ее» в «Двух мирах». В 1922–1923 гг. он пишет повесть «Щепка», рассказы «Бледная правда» и «Общежитие», представляющие собой единый блок, где автор мучительно размышляет о революции:

Самая страшная «улика» против Зазубрина, по оценке Анатолия Либермана, – три его ранние рассказа. «Щепка», которую предполагалось переделать в роман, «Общежитие» и «Бледная правда», кстати, по мнению жены писателя, наиболее слабый рассказ, и, напротив, лучший по мнению А. Либермана. Писателю постоянно вменяли в вину натурализм, но именно в натурализме, как подчеркивает Яранцев, была его сила²⁰.

Так чем же продиктован столь грубый натурализм, каков герой и в чем раздвоенность автора и героя. Мы рассмотрим повесть «Щепка» с точки зрения психологии литературного творчества, как процесс внутреннего освобождения, переход от переживания к творчеству. Такая интерпретация повести «Щепка», а именно, попытка показать путь от личных переживаний, мыслей, аффектов писателя к творчеству, разглядеть грань между пережитым и воображаемым, делается впервые в настоящей работе.

Повесть «Щепка» начинается с душераздирающего, притом подробнейшего, описания расстрела...

Герой Зазубрина – Срубов – начальник Губчека, такой же большевик, каковым был к 1923 году Владимир Зазубрин. Повесть «Щепка» начинается с описания сцен массовых расстрелов в подвалах Губчека, сцен жутких, но и психологически точных по описанию состояния как приговоренных к смертной казни, равно как и приводящих в исполнение эту казнь. Первые в полной безызвест-

²⁰ Яранцев В., «Настоящее – Журнал несбывшихся огней» // Сибирские огни. 2008 г. N 3. <https://www.sibogni.ru/content/nastoyashchee-zhurnal-nesbyvshihsy-nadezhd>

ности, в темноте ждут приговора, «куда нас», а все знают, что на казнь, но неизвестность – хуже». В «Темноте не страх, – отчаяние», вторые же с глазами стеклянными, сверкающими и «остротревожными», отдавали приказы, бессознательно сам подчиняется приказу «разденься!» и Срубов, и вспоминает, что здесь он распоряжается, он отдает приказы. «Срубов ясно до боли чувствовал всю безвыходность положения приговоренных. Ему казалось, что высшая мера насилия не в самом расстреле, а в этом раздевании. Из белья на голую землю. Раздетому среди одетых. Унижение предельное»²¹. Автор проводит сравнение между казнью публичной, как, например, во Франции, и казнью безгласной: «Во Франции были гильотина, публичные казни. У нас подвал. Казнь негласная. Публичные казни окружают смерть преступника, даже самого грозного, ореолом мученичества, героизма. Публичные казни агитируют, дают нравственную силу врагу. Публичные казни оставляют родственниками близким труп, могилу, последние слова, последнюю волю, точную дату смерти. Казненный как бы не уничтожается совсем. Казнь негласная, в подвале, без всяких внешних эффектов, без объявления приговора, внезапная, действует на врагов подавляюще. Огромная, беспощадная, всевидящая машина неожиданно хватается свои жертвы и перемалывает, как в мясорубке. После казни нет точного дня смерти, нет последних слов, нет трупа, нет даже могилы. Пустота. Враг уничтожен совершенно».²²

В воображении Срубова Революция – беременная баба, русская, «широкозадая», гневная, жестокая и прекрасная, и он любит «Ее» такую, настоящую, живую. А он, Срубов, ради «Нее» должен «давить», «давить всех паразитов», которых «Она» стряхивает со своей одежды. Для «Нее» и в «Ее» интересах Срубов готов на все. Для «Нее» и убийство – радость. «Она» заводской механизм, «Ей» все равно, как убивают, «Ей» необходимо только заставить убивать одних, приказать умирать другим. «Только и чекисты, и Срубов, и

²¹ С. 38–39.

²² С. 78.

приговоренные одинаково были ничтожными пешками, маленькими винтиками в этом стихийном беге заводского механизма».

Е.П. Ильин в книге «Психология творчества, креативности, одаренности»²³ утверждает, что в момент творчества, непроизвольной активности психики, человек совершенно не способен управлять потоком образов, произвольно воспроизводить образы и переживания. Художник бессилён восполнить пробелы творческой фантазии. Образы зарождаются и исчезают спонтанно, борются с первичным замыслом художника (рационально созданным планом произведения), более яркие и динамичные образы вытесняют из сознания менее яркие. То есть сознание становится пассивным экраном, на который человеческое бессознательное отображает себя. Художник может вполне сознательно и преднамеренно стремиться придать своему произведению определенную форму, следуя неким канонам, правилам, приемам, манере. Но все равно в конечном результате он сам не сможет, скорее всего, объяснить, почему выбрал то, а не иное слово, почему рука его так, а не иначе провела линию, положила мазок, а глаз выбрал те, а не иные пропорции. Это совершается интуитивно. Это свершение – тайна творчества и загадка таланта²⁴. «Творец всегда испытывает замешательство при попытках объяснить причину, источник своих фантазий».²⁵ В этом смысле примечательно письмо В.Зазубрина Ф.А. Березовскому, написанное в Канске 27.07.1923. «“Щепку” свою я безусловно буду расширять, перерабатывать. Большое Вам спасибо за критические замечания о ней. ...Надеюсь, Вы верите, что я искренне хотел написать вещь

²³ **Ильин Е.**, Психология творчества, креативности, одаренности. СПб., «Питер», 2009, 434 с.

²⁴ **Попов П.**, 1998, с. 230.

²⁵ **Ильин Е.**, Психология творчества, креативности, одаренности. СПб., «Питер», 2009. с. 63.

революционную, полезную Революции. Если не вышло, так не от злого умысла. Буду еще работать».²⁶

Постоянные внутренние противоречия заставляют Срубова задумываться, для кого все это делается, для «Нее»? А какое значение они все имеют для «Нее»? Зазубрин как бы обращается к читателю, если представить себя архитектором, и тебе дано возвести здание судьбы человеческой, с целью осчастливить человека, дать ему покой, но для этого необходимо замучить одно крохотное создание. Здесь Автор отсылается на Достоевского, стоит ли гармония мира слезинки ребенка... «Ты думаешь, на миллионах замученных, расстрелянных, уничтоженных воздвигнуть здание человеческого счастья... Ошибаешься... Откажется будущее человечество от «счастья», на крови людской созданного...». Далее Зазубрин даст другое определение революции, уже в повести «Бледная правда»: «Революция – стихия. Революция – мощный, мутный, творящий и разрушающий поток. Человек в нем – щепка. Люди – щепки»²⁷.

Каково же отношение самого Зазубрина к своему герою? По мнению Михала Арнаудова, какие бы сюжеты ни выбирал автор и как бы мало ни изображал себя самого, он невольно накладывает отпечаток своей индивидуальности на образы. Даже при вполне объективном содержании мы всегда улавливаем какую-то субъективную ноту как свидетельство близкого внутреннего сроднения с героями и глубокого восприятия вещей. «А когда предметом поэтического творчества служит личный житейский опыт со всей свежестью и правдой настроений или страстей, тогда, как правило, творческий процесс можно рассматривать как усилие, необходимое для освобождения и прояснения духа посредством самого художественного изображения».²⁸

²⁶ **Проскурина Е.**, Неопубликованные письма В.Я. Зазубрина. // Гуманитарные науки в Сибири. N 4. Новосибирск, 1994, с. 63. // Литературное наследие Сибири. Т. 2. с. 359–360.

²⁷ С. 93.

²⁸ **Арнаудов М.**, Психология литературного творчества. URL:https://royallib.com/book/arnaudov_mihail/psihologiya_literaturnogo_tvorchestva.html

Иной, философский, глубинный подход к данной проблеме делается Михаилом Бахтиным в книге «Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук»,²⁹ где Бахтин обозначает три общих типа отношения автора к герою, при этом внутри каждого типа возможны вариации, отмечает Бахтин.

Первый случай: герой завладевает автором. Эмоционально-волевая предметная установка героя, его нравственно-этическая позиция авторитетны для автора настолько, что он видит предметный мир только глазами героя, и переживает только изнутри события его жизни. Автор не может найти убедительной и устойчивой ценностной точки опоры вне героя. И для того чтобы художественное целое, хоть и незавершенное, все же состоялось, какие-то завершающие моменты нужны, следовательно, нужно как-то стать вне героя. К такому типу отношения автора и героя относятся, по мнению Бахтина, почти все герои Достоевского, Кьеркегора, Стендаля и некоторые герои Толстого.

Второй случай: автор завладевает героем, вносит вовнутрь его завершающие моменты, отношение автора к герою становится отчасти отношением героя к себе самому. Герой этого типа развивается в двух направлениях: не автобиографичен. Такой герой завершен, но здесь страдает реалистическая убедительность в этической, философской, жизненной позиции героя; и второе: автобиографичен. Усвоив завершающий рефлекс автора, его тотальную формирующую реакцию, герой делает ее моментом самопереживания и преодолевает ее; такой герой «незавершен», он внутренне перерастает каждое тотальное определение как неадекватное ему, он переживает завершенную целостность как ограничение и противопоставляет ей какую-то внутреннюю тайну, не могущую быть выраженной. «Вы думаете, что я весь здесь, – как бы говорит этот герой, – что вы видите мое целое? Самое главное во мне вы не можете ни видеть, ни слышать, ни знать». Такой герой бесконечен для

²⁹ Бахтин М., Автор и герой. К Философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000 г., с. 32–49, 337 с.

автора, то есть все снова и снова возрождается, требуя все новых и новых завершающих форм, которые он сам же и разрушает своим самосознанием.

И наконец, третий тип отношения автора к герою: герой является сам своим автором, осмысливает свою собственную жизнь эстетически, как бы играет роль, такой герой «самодоволен и уверенно завершен». При этом, Бахтин отмечает, что отношения каждого типа осложняются и варьируются.

Срубов – интеллигент, философ, он размышляет над вопросом «террора». «Вам когда-нибудь было жаль расстреливаемых?» – спрашивает он Пепла. Пепел – работник, руководствуется только ненавистью. Амбивалентность героя, постоянная внутренняя борьба особенно ярко отражена в сцене в театре, где ему кажется, что все взгляды зрителей устремлены в его сторону, он в фокусе «бесплатных советских зрителей» с вытаращенными глазками, шарахающихся чекистов, как от чумы, а сами пишут доносы, сами призывают к террору, признают его необходимость, а чекиста, осуществляющего их же идею, презирают. Для Срубова все они – лицемеры с подлой душонкой.

С одной стороны, производя расстрелы, Срубов ощущает себя на высоте. Страх, жестокости, непозволенного – нет, с другой стороны, он осознает, что «не все позволено, есть граница всему. Но как не перейти ее? Как удержаться на ней?». Теперь он понимает, что стал жертвой Революции, она – «любовница», которая отняла у него все, на которую он потратил лучшие свои годы. И видит Срубов Ее уже нищую и потому злую. Срубов ищет себе оправдание, общаясь с убийцей отца, товарищем Кацом, сидевшим с ним за одним столом, пьющим кофе. В глазах Срубова боль и стыд, и желание оправдываться... но перед кем? Перед «Ней» или перед самим собой «Я знаю твердо, каждый человек, следовательно, и мой отец, – мясо, кости, кровь. Я знаю, труп расстрелянного – мясо, кости, кровь. Но почему страх? Почему я стал бояться ходить в подвал?».

При внимательном рассмотрении системы образов, созданных Зазубриным, Срубов – не характер, не тип, а воплощение некой правды, представитель ее. (Бахтин)

И перед Срубовым встает дилемма: с одной стороны, он верен «Ей», с другой стороны, он – палач, «не слово – бич», «душа нахлестана им в рубцы», вроде он, революционер, должен гордиться собой за то, что выполнил долг свой до конца, «но слово, слово... Вот забиться бы куда-нибудь под кровать... Пусть никто не видит. И самому чтоб – никого». Срубов теряет рассудок, устал, ему является двойник–собственное отражение в зеркале. В нем бледное лицо с острым носом, огромные испуганные глаза, всклокоченные волосы, борода. Срубову страшно пошевелиться. Двойник из зеркала следит за ним, повторяет все его движения. И он, как ребенок, в страхе зовет: – «Мама, мама».³⁰ Двойник караулит Срубова, безумный взгляд настороже, Срубов пытается звать на помощь, но видит того другого, беззвучно шевелящего губами. Обратимся к Бахтину «Человек у зеркала» – явление «двойничества» в литературе. «Не я смотрю *изнутри своими* глазами на мир, а я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами; я одержим другим. Здесь нет наивной цельности внешнего и внутреннего. Подсмотреть свой заочный образ. Наивность слияния себя и другого в зеркальном образе. Избыток другого. У меня нет точки зрения на себя извне, у меня нет подхода к своему собственному внутреннему образу. Из моих глаз глядят чужие глаза»³¹. Срубов встает перед проблемой самосознания. Здесь мы видим уход его из мира реального в ирреальный мир, инфернальный – сон Срубова.

Душевнобольной Срубов оказывается по ту сторону революции, теперь он оказался одним из «людишек-булавочек», на допросе, больше похожей на пытку, единственное желание – жить, жить, жить! Андрей Срубов был расстрелян так же, как сам расстреливал.

³⁰ С. 68.

³¹ Там же, с. 240.

«Видимо, именно так в 1938 году расстреливали и Зазубрина самого. Автор предвосхитил собственную судьбу»³².

Заключение

Зазубрин, большевик, выносит приговор всей системе: «Я знаю, что люди способны ослепляться какой-либо идеей настолько, что перестают здраво мыслить, отличать черное от белого. Большевик – это временное болезненное явление, припадок бешенства, в который впало сейчас большинство русского народа»,³³ что продиктовано, на наш взгляд, необходимостью облегчиться через исповедь, необходимостью от молчаливого терпения чувств, аффектов перейти к доверенному раскрытию, к приобщению к нашим мыслям, чувствам, к нашим частным состояниям меньшей или большей части людей, способных понять нас (Арнаутов). Устное или письменное высказывание тайны, мысли, которая приобретает над человеческим духом магическую власть и мучает его, несомненно, несет успокоение.

Зазубрин, практически, опровергает то, частью чего он является сам. Здесь мы видим столкновение самосознания. (Это – мир других, и в этот мир пришел я. Бахтин). Мы не будем черпать биографический материал из произведения или же наоборот, объяснять произведение биографическими фактами, но и нельзя не принять во внимание теорию Бахтина об отношении автора к герою, его реакции на целое героя.

Срубов – это выражение «Я» автора. Ссылаясь на Арнаутова, на его теорию авторского внутреннего освобождения через творчество, можно утверждать, что акт освобождения, отдыха после долгого кошмара ведет к удовлетворению эстетической потребности и способствует повышению жизненной ценности своего «Я». Через образ своего героя, раздвоенного с точки зрения нравствен-

³² Румянцев В., «О нашем современнике, расстрелянном в 38». URL:http://www.hrono.ru/text/2003/rum_zazub.html

³³ С. 76.

ности, взглядов, Зазубрин освобождается от мучительных мыслей, ищет понимания не в читателях своего времени, а в читателе будущего.

Зазубрин, несомненно, предвидел судьбу «Щепок» и свою судьбу. Именно Зазубрину удалось предугадать разрушительность идеи революции. Массовый террор в борьбе с инокомыслием даже во имя самых высоких идей, благих целей неизбежно ведет к разложению души, уничтожению в человеке человеческого. Зазубрину удалось показать, что в фанатичном стремлении к стерильности революции любой ценой нивелируется и вытесняется революционная идея – идея равенства и справедливости.

Письмо Зазубрина к Ф.А. Березовскому, где по собственному признанию автора, он писал «нужную книгу» о революции, «полезную революции», но не вышло не от злого умысла, дает нам право судить о том, что в данном случае имеем дело с произвольными авторскими переживаниями, воспроизведением образов – с бессознательным автора. «Я свою книгу не делаю, она сама делается. Она зреет и растет в моей голове как великий плод» – А де Виньи; «Бог диктовал, а я писал» – В. Гюго; «Я не сам думаю, мои мысли думают за меня» – блаженный Августин; «Если мой тяжелый молот придает твердым скалам то один, то другой вид, то его приводит в движение рука, которая держит его, направляет и руководит им: он действует под давлением посторонней силы» – Микеланджело.

ՄԱՐԻԱՆՆԱ ԲԱԼՈՅԱՆ

*Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ,
Չանչունի համալսարանի դասախոս, 2ԺՀ*

ԶԱՂՈՒԲՐԻՆԻ «ՏԱՇԵՂ» ՊԱՏՄՎԱԾՔԸ. «ՆԵՐՔԻՆ ՄԱՐԴՈՒ» ԽՆԴԻՐԸ

Ամփոփում

Վլադիմիր Զազուբրինը թերևս ամենավիճահարույց գրողն է, չհասկացված նկարիչը, ժամանակին մոռացված, 80-ականներին վերականգնված, ներկայումս սուր հետաքրքրություն առաջացնող, բայց մինչ օրս քիչ ուսումնասիրված:

Մեր հետազոտության արդիականությունը պայմանավորված է նրանով, որ 20-րդ դարավերջին և 21-րդ դարասկզբին մեծացել է հետաքրքրությունը 20-րդ դարի 30-ական թվականներին բռնադատված, ապա հետմահու վերականգնված գրողների և նրանց ստեղծագործական ժառանգության նկատմամբ: Այդ հետաքրքրությունն առավելապես ուղղված է ռուսական հեղափոխության իրական դեմքը ցույց տալուն. ի՞նչ էր այն իրականում, ինչպե՞ս են դասավորվում մարդկային ճակատագրերը պատմականորեն սահմանային իրավիճակներում: Հետազոտության արդիականությունը պայմանավորված է այդ խնդիրների ուսումնասիրությամբ: Քննության առարկան ռուս բռնադատված գրող Զազուբրինի «Տաշեղը» ստեղծագործությունն է, Պրավդուխինի ճակատագրի օրինակով մարդու և հեղափոխության հանդիպման ողբերգական հետևանքների հանդիպման պատմությունը, Զազուբրինի ստեղծագործական պոետիկայի ներքին շերտերի մեկնաբանությունը: Պատմվածքը քննության է առնվում հոգեբանության տեսանկյունից, անդրադարձ է կատարվում գրողի անձնական փորձառությանն ու ապրումներին, ներաշխարհի սահմանային վիճակից ստեղծագործական գործընթացի անցնելու խնդիրներին: Հետազոտության համար ընտրվել է էմպիրիկ մեթոդը՝ համադրելով դիտարկման, նկարագրության, համեմատության, ինչպես նաև հիպոթետիկ-դեդուկտիվ սկզբունքները:

Հետազոտության եզրակացություններում ցույց է տրվում, որ գլխավոր հերոսը՝ Սրուբովը, հեղինակի *եսի* արտահայտությունն է, նրա

ալտեր-էգոն: Զազուբրինը, անկասկած, կանխատեսել է «Տաշեղի» հերոսի և իր ճակատագրի նմանությունը: Թերևս իրականություն էին դարձել նրա ներքին կանխատեսումները հեղափոխությունների կործանարար բնույթի, այլախոհների դեմ ամենաբարձր և լավագույն իդեաների անվան տակ զանգվածայի տեռորի, ի վերջո՝ մարդկային ճակատագրերի ու հոգու կործանման, քայքայման վերաբերյալ:

Քանալի բառեր՝ Վ. Զազուբրին, «Տաշեղ», երկակիություն, գրական սրբեղծագործության հոգեբանություն, հեղինակ և հերոս, Մ. Արնաուդով, ներքին ազատագրում սրբեղծագործության միջոցով:

MARIANNA BALOYAN

*PhD, associate professor,
Changchun University, PRC,*

ZAZUBRIN'S STORY «SLIVER». THE PROBLEM OF THE «INNER MAN»

Abstract

Vladimir Zazubrin is perhaps the most controversial writer, a misunderstood artist, forgotten in his time, rehabilitated in the 80s, arousing keen interest at the present time, but little studied to this day.

The relevance of our research lies in the increased interest in the epoch of the 30s, in the work of repressed writers, rehabilitated posthumously in the late XX and early XXI centuries, in the need to show the true face of the Russian Revolution.

The purpose of this research is to show the intuitive in the creative process, the displacement of the artist's primary intention (the plan of the work) by the unconscious in the story "Sliver", to show the untenability of the Pravdukhin's interpretation of the theme, namely the theme of revolution and man, possibly dictated by time, to reveal the mystery of Zazubrin's work, to guess the riddle of the writer's talent.

The research method was the empirical method: namely, the method of observation, description, comparison, as well as the hypothetico-deductive method.

This article examines the story «Sliver» from the point of view of the psychology of literary creativity, as a process of internal liberation, the transition from experience to creativity. Such an interpretation of the story «Sliver», namely, an attempt to show the path from personal experiences, thoughts, affects of the writer to creativity, to discern the line between the experienced and the imaginary, is made for the first time in this work. The material for our research also included letters from contemporaries, friends and members of Zazubrin's family.

Our research has shown that Srubov is an expression of the author's self Zazubrin undoubtedly predicted the fate of the «Sliver» and his own fate. It was Zazubrin who managed to foresee the destructiveness of the idea of revolution, mass terror in the struggle against dissidents, even in the name of the highest and most blessed goals, inevitably leads to the decomposition of the soul, the destruction of humanity in man.

Keywords: *V. Zazubrin, "Sliver", duality, psychology of literary creativity, author and hero, M. Arnaudov, internal liberation, unconscious.*